С.Б. КАЛАШНИКОВ
(Волгоград)

МЕТАСЮЖЕТ «ПОЭТ VS ГОСУДАРЬ» В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ» А.С. ПУШКИНА

Рассматривается один из метасюжетов творчества А.С. Пушкина «поэт vs государь» и его вариативные реализации в тексте исторической трагедии «Борис Годунов»: 1) «истинный поэт vs истинный государь», 2) «истинный поэт vs самозваный государь», 3) «самозваный поэт vs самозваный государь».

Ключевые слова: *Пушкин, метасюжет, поэт, царь, государь, самозванец.*

Встреча поэта с государем – не частый мотив в художественном творчестве Пушкина. До написания «Воображаемого разговора с Александром I» (ноябрь 1824 – январь 1825 гг.) этот сюжет не появлялся в произведениях поэта ни разу, однако сразу после создания этого чернового наброска частота его появлений многократно увеличилась. Как известно, «Воображаемый разговор…» создавался одновременно с первыми сценами «романтической трагедии», в которой метасюжет «поэт vs государь» приобретает три отчетливых вариативных схемы: 1) «истинный поэт vs истинный государь», 2) «истинный поэт vs самозваный государь», 3) «самозваный поэт vs самозваный государь».

«Истинный поэт vs истинный государь». Эта схема реализуется в самом начале произведения в разговоре Пимена с Григорием. Летописец Пимен – поэт, которому принадлежит, по выражению Пушкина, «история народа». Принадлежит не потому только, что он пишет об истории, но и потому, что он смотрит на историю народа, власти и государства взглядом Шекспира*, беспристрастно наблюдая за ее ходом со стороны и в то же время являясь в недавнем прошлом ее участником и летописцем:

Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил <…>
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу…[4, с. 17].

Пимен определяет свое предназначение как завещанное от Бога. Поэзия обретает в его образе свое высшее предназначение и сакральный статус. Пимен предлагает Григорию стать поэтом, которому так же, как и ему будет принадлежать история народа, понимаемая как некий божественный промысел. В образе поэта-летописца Пимена также реализуется пушкинская концепция священности царской власти**:

Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу их? Никто (Там же, с. 20).

При этом история народа и власти мыслится как санкционированная именно Богом очередность событий и действий:

…он был бы твой ровесник
И царствовал; ***но бог судил иное*** (здесь и далее выделено мной. – *С.К.*) (Там же, с. 22).

Или: ***Бог возлюбил смирение царя,***
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась (Там же, с. 21).

Таким образом, история народа напрямую зависит от нравственного достоинства царя. Равно как и приятие народом власти незаконного государя может изменить ход истории, отклонить его от замысла Божественного Провидения:

* См. об этом в частности у Ю.М. Лотмана: «“Борис Годунов” был драмой-исследованием. Среди пушкинских представлений об идеале поэтической личности появился новый оттенок: поэт-мыслитель, поэт-ученый, как Карамзин, и одновременно поэт, “не мудрствующий лукаво”, простодушным чувством истины и морали сближающийся с “мнением народным”, как летописец. Соединение этих позиций Пушкин называл “взглядом Шекспира”» [2, с. 106].

** Разумеется, возникла она задолго до Пушкина. Обращаясь к истокам возникновения этого комплекса представлений о царской власти в России, Б.А. Успенский, в частности, отмечает: «Параллелизм монарха и Бога как “тленного” и “нетленного” царя приходит на Русь с сочинением византийского писателя VI в. Агапита, которое было широко распространено в древнерусской письменности. В 21-й главе этого сочинения говорится о том, что царь тленным естеством подобен всем людям, властью же – подобен Богу; из этого уподобления власти царя власти Бога делается вывод о том, что власть царя не автономна, но дана от Бога и потому должна подчиняться от Бога же данному нравственному закону» [6, с. 208].

© Калашников С.Б., 2012

Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли [4, с 21].

Пимен воплощает собой авторитетную и священную поэтическую традицию, только благодаря которой можно отличить истинного государя от ложного. Если Борис Годунов назван Пименом цареубийцей, т.е. является царем-самозванцем, то гораздо большим нравственным достоинством в произведении обладает Иван Грозный, с которым поэт-летописец встречался под сводами монастыря:

Я видел здесь – вот в этой самой келье…
…здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел (Там же, с. 20).

Именно способность к раскаянию и милости – вот главная черта, отличающая истинного государя от самозванца. И Грозный, в отличие от Годунова, обладает ей:

«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь, алкающий спасенья <…>
Вы все – обет примите мой духовный:
Приду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму» <…>
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе, страдающей и бурной (Там же, с. 20 – 21).

Образцовым же царем, нравственное достоинство которого определяет плавный и безмятежный ход истории, является Феодор Иоаннович:

Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась (Там же, с. 21).

Таким образом, только истинный поэт способен отличить истинного государя от самозванца и подтвердить его право на власть, поскольку и поэзия, и власть в художественном мире Пушкина единоприродны и исходят из одной нравственной инстанции – Бога.

«Истинный поэт vs самозваный государь». Эта вариативная разновидностей метасюжета «поэт vs государь» реализуется во встрече Бориса Годунова с юродивым Николкой:

Юродивый

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый

Николку маленькие дети обижают… Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Бояре

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Царь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит)

Юродивый (ему вслед).

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – богородица не велит (Там же, с. 78).

Традиция юродства связана здесь с представлением о том, что юродивый говорит не от своего имени, а от лица божественного начала*. Он воплощает собой активное неприятие власти самозваного царя. В этом образе, действительно, можно усмотреть почти прямое самоотождествление Пушкина с юродивым. Если Пушкин проводит аналогию между Борисом Годуновым и Александром I, то вполне уместной оказывается и такая аналогия: подобно тому, как юродивый не приемлет власти самозванца Бориса Годунова, Пушкин не приемлет власти самозваного государя Александра I**. И здесь уместно вспомнить дерзкие эпиграммы поэта на «кочующего деспота» и

* Юродство – это особый чин мирской святости, добровольный христианский подвиг из разряда так называемых сверхзаконных, не предусмотренных церковными уставами. Юродивый повторяет жертвенный подвиг Христа. «Подражание крестному пути и делает подвиг юродства “сверхзаконным” в представлении агиографов – труднейшим и славнейшим, венчающим лествицу христианского подвижничества: “...выше естества нашего подвизася”», – объясняет А.М. Панченко в книге «Смех Древней Руси», одна из глав которой посвящена изучению феномена древнерусского юродства [1, с. 88].

** Феномен русского самозванства исследовался Пушкиным всесторонне и в широком историческом контексте. Одним из главных признаков самозваного государя становится его восшествие на престол путем «цареубийства» предшественника. И к таковым государям в художественном мире Пушкина можно наряду с Борисом Годуновым отнести и Елизавету Петровну (на самозванство которой содержится аллюзия в первой главе «Капитанской дочки»), и Екатерину II, и Александра I, санкционировавшего, по убеждению Пушкина, убийство собственного отца. Актуальность этой инвариантной модели «истинный поэт vs самозваный государь» применительно к Александру Павловичу подтверждается также письмом А.С. Пушкина к В.А. Жуковскому (20 января 1826 г.): «Говорят, ты написал стихи на смерть Александра – предмет богатый! – Но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры – глас народа. Следственно, я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба» [5, с. 258]. Истинный поэт (коим, несомненно, в глазах Пушкина является Жуковский) не должен восхвалять царя-самозванца при жизни, но может прославить его смерть как своеобразное воплощение божественной справедливости и воли Провидения.

«плешивого щеголя» Александра Павловича и окончание «Воображаемого разговора…», где очевидна аффектация пушкинского поведения, характерная именно для традиции юродства. Думается, по этой причине Пушкин и писал в письме к Вяземскому в начале ноября 1825 г.: «Юродивый мой малый презабавный <…> Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию – навряд, мой милый. Хотя она в хорошем духе писана, да никак не могу упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» [5, с. 240].

«Самозваный поэт vs самозваный государь». Этот вариант метасюжета реализуется при встрече самозванца Григория Отрепьева с поэтом в доме Вишневецкого:

Поэт

(приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу), *

Великий принц, светлейший королевич!

Самозванец

Что хочешь ты?

Поэт

(подает ему бумагу)

Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

«Усердный труд», в отличие от труда вдохновенного, характеризует поэта-ремесленника, самозванца от искусства. Самозванец продолжает:

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает,
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской Музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов [4, с. 54].

Эта публичная декларация важна самозванцу постольку, поскольку освещает его власть авторитетом такой же священной и авторитетной, как и сама власть, традиции – поэзии; говоря о «пророчествах пиитов», самозваный царь приписывает безымянному латинскому поэту статус поэта-пророка, который признает его – самозванца – власть легитимной от лица высшего божественного начала:

Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благославится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приближься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.

(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я; надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн

(Там же).

Самозванец надеется, что его восшествие на престол будет освящено поэзией, которая символизирует для него божественное начало. Так самозванец пытается сымитировать сакральный статус своей власти, убедить всех находящихся рядом с ним в ее санкционированности свыше.

Примечателен черновой вариант этой сцены, в который включен разговор Хрущова и Пушкина:

Самозванец

И я люблю парнасские цветы (читает про себя).

Хрущов (тихо Пушкину)

Кто сей?

Пушкин

Пиит.

Хрущов

Какое ж это званье?

Пушкин

Как бы сказать? по-русски – виршеписец
Иль скоморох (Там же, с. 269).

В этом диалоге происходит дискредитация поэта, вручившего стихи самозванцу, его низведение до уровня шута и скомороха, т.е. лица, пародирующего священный дар, профанирующего его сакральный статус. Функционально статус скомороха в древнерусской традиции противоположен статусу юродивого. Результативность встречи самозваного поэта с самозваным царем, таким образом, сводится к тому, что оба ищут за счет друг друга способы сакрализации (точнее – имитации сакральности) своего дара: власти – через освященность поэзией, поэзии – через приближенность к власти.

Самоотождествление Пушкина с персонажами-поэтами из «Бориса Годунова» происходит посредством еще одного произведения, созданного в период работы над исторической трагедией, – элегии «Андрей Шенье», которой сам автор приписывал, как известно, пророческое значение**.

Пимен в «Борисе Годунове» говорит о первом самозванце:

* Сама жестикуляция, переданная в ремарке, уже свидетельствует о том, что перед нами поэт-льстец, стремящийся освятить авторитетом самозванца свой статус стихотворца.

** «Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я “Андрея Шенье” велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc.», – пишет А.С. Пушкин П.А. Плетневу, получив известие о смерти Александра I [5, с. 249].

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли [4, с. 21].

В «Андрее Шенье» почти теми же словами сказано о приходе к власти самозванца, под которым можно подразумевать и Александра I, и вероятного нового тирана, на роль которого после восстания претендовал (по мнению не только Пушкина, но и многих представителей умеренного крыла «высокоумной» молодежи) не кто иной, как П.И. Пестель*:

Мы свергнули царей. ***Убийцу с палачами***
Избрали мы в цари. О ужас! о позор! [3, с. 353].

Эти строки отсылают нас к еще одному претексту Пушкина на тему самозванства – оде «Вольность»:

О стыд! о ужас наших дней! (Там же, с. 45).

Речь здесь, как известно, идет об убийстве Павла I, так или иначе санкционированном его сыном Александром Павловичем. Через этот ряд тематически смежных текстов Пушкиным формируется устойчивая ассоциативная связь: Борис Годунов отождествляется с Александром I. Примечательно, что в тексте обоих произведений – и исторической трагедии, и элегии – есть еще одно «сближение» этих двух важных фигур русской истории. В одном из черновых вариантов «Бориса Годунова» Хрущов говорит о правящем царе:

Он удалился
В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но недуг
Его грызет. Борис едва влачится
И думают, ***его последний час***
Уж недалек [4, с. 268].

В «Андрее Шенье» почти теми же словами Пушкин «предсказывает» смерть самозваного царя-тирана Александра I:

И час придет… и он уж недалек:
Падешь, тиран! [3, с. 355].

Это текстологическое сближение, безусловно, не случайно: оно свидетельствует о тождестве самой исторической модели «Смутного времени» и времени написания «романтической трагедии» и подтверждает универсальность исторического «закона» взаимодействия царя и Бога, власти и поэзии. Зная закономерности его действия в прошлом, поэт-пророк и поэт-летописец могут не только оценивать ход событий в настоящем (ода «Вольность»), но и прогнозировать его в будущем (элегия «Андрей Шенье»).

* Имя Пестеля в 1823 – 1825 гг. очень часто упоминалось вместе с именем Наполеона – и отнюдь не только по причине внешнего сходства одного и другого. Так, Ю.М. Лотман отмечал: «Однако образ Наполеона волновал декабристов и в другом отношении (не только как овеянный романтическим ореолом “мужа Рока”. – *С.К.*). В ходе споров по вопросам тактики внутри освободительного движения обрисовывались две тенденции: более умеренная, требовавшая, чтобы все революционные перемены совершались в рамках строго демократических процедур, и более решительная, настаивавшая на необходимости революционной диктатуры. Сторонники первого пути указывали, что во Франции революционная диктатура переросла в военную, и напоминали об опасности бонапартизма. Особое опасение у декабристов вызывало честолюбие Пестеля и Михаила Орлова. За первым умеренные деятели даже учредили тайный надзор, опасаясь его властолюбия и диктаторских замашек» [2, с. 87]. Как и Наполеон, Пестель был готов пренебречь нравственными принципами ради интересов «общего дела», что давало современникам основание видеть в нем будущего тирана революции. Известно, что, находясь под началом генерала И.О. Витта, Пестель «даже надеялся привлечь его на сторону заговорщиков и одно время был готов жениться на рябой старой деве, дочери его» (Там же, с. 91) и поступить в Одесские военные поселения начальником штаба, чтобы «получить ключи от того порохового погреба, которым они, по его мнению, являлись» (Там же, с. 732).

Литература

1. Лихачев Д.С. [и др.] Смех Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. Л. : Наука, 1984.
2. Лотман Ю.М. Пушкин. СПб. : Искусство-СПб., 1995.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 17 т. М. : Воскресенье, 1994. Т. 2. Кн. 1.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 17 т. М. : Воскресенье, 1995. Т. 7.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 17 т. М. : Воскресенье, 1996. Т. 13
6. Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Избранные труды. Т. I: Семиотика истории; семиотика культуры. М. : Яз. рус. культуры, 1996.

Metaplot “poet vs monarch” in “Boris Godunov” by A.S. Pushkin

There is considered one of the metaplots of A.S.Pushkin’s creative work “poet VS monarch” and its various realizations in the text of the historical tragedy “Boris Goduniv”: 1) “true poet VS true monarch”, 2) “true poet VS self-constituted monarch”, 3) “self-constituted poet VS self-constituted monarch”.

Key words: *Pushkin, metaplot, poet, tsar, monarch, impostor.*